

И. А. ГОБОЗОВ

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

1. Специфика социального познания

Мир – социальный и природный – многообразен и является объектом как естественных, так и общественных наук. Но его исследование прежде всего предполагает, что он адекватно отражается субъектами, иначе нельзя было бы раскрыть его имманентную логику и закономерности развития. Поэтому можно сказать, что в основе любого познания лежит признание объективности внешнего мира и отражение его субъектом, человеком. Однако социальное познание обладает рядом особенностей, обусловленных спецификой самого объекта исследования.

Во-первых, в качестве такого объекта выступает общество, которое одновременно является и субъектом. Физик имеет дело с природой, т. е. с таким объектом, который противопоставлен ему и всегда, так сказать, «безропотно подчиняется». Социолог имеет дело с деятельностью людей, поступающих сознательно и творящих материальные и духовные ценности.

Физик-экспериментатор может повторять свои эксперименты до тех пор, пока окончательно не убедится в правильности полученных им результатов. Социолог лишен такой возможности, так как в отличие от природы общество меняется быстрее, меняются люди, условия жизни, психологическая атмосфера и т. д. Физик может надеяться на «искренность» природы, раскрытие ее тайн зависит в основном от него самого. Социолог не может быть полностью уверен в том, что люди на его вопросы отвечают искренне. А если он исследует историю, то вопрос еще больше осложняется, так как прошлое никак нельзя вернуть. Вот почему исследование общества гораздо труднее, чем изучение природных процессов и явлений.

Во-вторых, общественные отношения сложнее природных процессов и явлений. На макроуровне они состоят из материальных, политических, социальных и духовных отношений, которые настолько переплетены между собой, что только в абстракции можно оторвать их друг от друга. В самом деле, возьмем политическую сферу жизни общества. Она включает в себя самые различные элементы – власть, государство, политические партии, политические и социальные институты и т. д. Но ведь нет государства без экономики, без социальной жизни, без духовного производства. Изучение всего этого комплекса вопросов – дело тонкое и архисложное. Но, кроме макроуровня, есть еще микроуровень общественной жизни, где связи и отношения различных элементов социума носят еще более запутанный и противоречивый характер, их раскрытие тоже представляет немало сложностей и трудностей.

В-третьих, социальное отражение имеет не только непосредственный, но и опосредованный характер. Одни явления отражаются непосредственно, а другие – опосредованно. Так, политическое сознание отражает политическую жизнь непосредственно, т. е. оно фиксирует свое внимание только на политической сфере общества и, если можно так выразиться, вытекает из него. Что касается такой формы общественного сознания, как философия, то она опосредованно отражает политическую жизнь в том смысле, что политика не является для нее объектом исследования, хотя так или иначе затрагивает те или иные ее аспекты. Искусство и художественная литература полностью связаны с опосредованным отражением общественной жизни.

В-четвертых, социальное познание может осуществляться через ряд опосредствующих звеньев. Это значит, что духовные ценности в виде определенных форм знаний об обществе передаются из поколения в поколение, и каждая генерация их использует при изучении и выяснении тех или иных сторон социума. Современному физическому человеку мало что дают физические знания, скажем, XVII века, но ни один историк античности не может проигнорировать исторические труды Геродота и Фукидида. И не только исторические произведения, но и философские работы Платона, Аристотеля и других корифеев древнегреческой философии. Мы верим тому, что писали античные мыслители о своей эпохе, о своем государ-

ственном устройстве и экономической жизни, о своих моральных принципах и т. д. И на базе изучения их сочинений у нас создается свое собственное представление о далеких от нас временах.

В-пятых, субъекты истории не живут изолированно друг от друга. Они творят вместе и создают материальные и духовные блага. Они принадлежат к определенным группам, сословиям и классам. Поэтому у них формируется не только индивидуальное, но и сословное, классовое, кастовое сознание и др., что тоже создает определенные трудности для исследователя. Индивид может и не осознавать свои классовые (даже класс их не всегда осознает) интересы. Поэтому ученому надо найти такие объективные критерии, которые позволили бы ему четко и ясно отделить одни классовые интересы от других, одно мировоззрение от другого.

В-шестых, общество изменяется и развивается быстрее, чем природа, и наши знания о нем быстрее устаревают. Поэтому необходимо их постоянно обновлять и обогащать новым содержанием. Иначе можно отстать от жизни и науки и впоследствии скатиться к догматизму, что крайне опасно для науки.

В-седьмых, социальное познание непосредственно связано с практической деятельностью людей, которые заинтересованы в том, чтобы использовать результаты научных исследований в жизни. Математик может заниматься абстрактными формулами и теориями, не имеющими прямого отношения к жизни. Возможно, его научные изыскания получают практическую реализацию через какое-то время, но это будет потом, пока же он имеет дело с математическими абстракциями. В сфере социального познания вопрос стоит несколько иначе. Такие науки, как социология, юриспруденция, политология, имеют непосредственное практическое значение. Они обслуживают общество, предлагают различные модели и схемы совершенствования социальных и политических институтов, законодательных актов, повышения производительности труда и т. д. Даже такая абстрактная дисциплина, как философия, связана с практикой, но не в том смысле, что она помогает, скажем, выращивать арбузы или строить заводы, а в том, что она формирует мировоззрение человека, ориентирует его в сложной сети общественной жизни, помогает ему преодолевать трудности и найти свое место в обществе.

Социальное познание осуществляется на уровне эмпирического и теоретического. *Эмпирический* уровень связан с непосредственной действительностью, с повседневной жизнью человека. В процессе практического освоения мира он вместе с тем познает и изучает его. Человек на уровне эмпирии хорошо представляет, что необходимо считаться с законами объективного мира и строить свою жизнь с учетом их действий. Крестьянин, например, продавая свой товар, прекрасно понимает, что нельзя его продать ниже его стоимости, иначе ему невыгодно будет выращивать сельскохозяйственную продукцию. Эмпирический уровень знаний – это повседневные знания, без которых человек не может ориентироваться в сложном лабиринте жизни. Они накапливаются постепенно и годами, благодаря им человек становится мудрее, осторожнее и более ответственно подходит к жизненным проблемам.

Теоретический уровень есть обобщение эмпирических наблюдений, хотя теория может выходить и за пределы эмпирии. Эмпирия – явление, а теория – сущность. Именно благодаря теоретическим знаниям совершаются открытия в области природных и социальных процессов. Теория – мощный фактор общественного прогресса. Она проникает в сущность изучаемых феноменов, вскрывает их движущие пружины и механизмы функционирования. Оба уровня между собой тесно связаны. Теория без эмпирических фактов трансформируется в оторванные от реальной жизни спекуляции. Но и эмпирия без теоретических обобщений не может обойтись, так как именно на базе таких обобщений удается сделать громадный шаг на пути освоения предметного мира.

Социальное познание *гетерогенно*. Существуют философские, социологические, правовые, политологические, исторические и другие виды социального познания. Философское знание – наиболее абстрактная форма социального познания. Оно имеет дело с универсальными, объективными, повторяющимися, существенными, необходимыми связями действительности. Оно в теоретической форме осуществляется с помощью категорий (материя и сознание, возможность и действительность, сущность и явление, причина и следствие и др.) и определенного логического аппарата. Философское знание не есть конкретное знание конкретного предме-

та, и поэтому нельзя его редуцировать к непосредственной действительности, хотя, безусловно, оно отражает ее адекватно.

Социологическое знание имеет уже конкретный характер и касается непосредственно тех или иных сторон общественной жизни. Оно помогает человеку глубже изучить социальные, политические, духовные и другие процессы на микроуровне (коллективы, группы, прослойки и т. д.). Оно вооружает человека соответствующими рецептами выздоровления общества, ставит диагнозы, как медицина, и предлагает средства лечения социальных недугов.

Что касается правового знания, то оно связано с освоением правовых норм и принципов, с их использованием в практической жизни. Обладающий знанием в области прав, гражданин защищен от произвола властей и бюрократов.

Политологическое знание отражает политическую жизнь общества, теоретически формулирует закономерности политического развития социума, исследует функционирование политических институтов и учреждений.

Методы социального познания. Каждая общественная наука имеет свои собственные методы познания. В социологии, например, важное значение имеют сбор и обработка данных, опросы, наблюдение, интервью, социальные эксперименты, анкетирование и т. д. В политологи тоже существуют свои собственные методы изучения анализа политической сферы общества. Что касается философии истории, то здесь используются методы, имеющие универсальное значение, то есть методы, которые; применимы ко всем сферам общественной жизни. В этой связи, на мой взгляд, в первую очередь следует назвать *диалектический метод*¹, который применяли еще античные философы. Гегель писал, что «диалектика есть... движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки *имманентную связь и необходимость*, в котором вообще заключается подлинное, а не внешнее возвышение над конечным»². Гегель открыл законы диалектики (закон единства и борьбы проти-

¹ В настоящее время многие обществоведы игнорируют диалектический метод познания. Но тем хуже для них: ведь от того, что кто-то игнорирует, скажем, закон стоимости, не исчезает этот закон. Можно не признавать диалектику как учение о развитии, но от этого не прекратятся развитие и изменение объективного мира.

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука лотки. М., 1974. С. 206.

воположностей, закон перехода количества в качество и обратно, закон отрицания отрицания). Но Гегель был идеалист и диалектику представлял как саморазвитие понятия, а не объективного мира. Маркс преобразовывает гегелевскую диалектику как по форме, так и по содержанию и создает материалистическую диалектику, которая изучает наиболее общие законы развития общества, природы и мышления (выше они были перечислены).

Диалектический метод предполагает изучение природной и социальной действительности в развитии и изменении. «Великая основная мысль, – что мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность *процессов*, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, причем поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь, – эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в общем виде»³. Но развитие с точки зрения диалектики осуществляется путем «борьбы» противоположностей. Объективный мир состоит из противоположных сторон, и их постоянная «борьба» в конечном итоге приводит к возникновению чего-то нового. Со временем это новое становится старым, а на его месте появляется опять что-то новое. В результате столкновения между новым и старым опять появляется другое новое. Этот процесс носит бесконечный характер. Поэтому, как писал Ленин, одной из основных черт диалектики является раздвоение единого и познание противоречивых частей его. Кроме того, метод диалектики исходит из того, что все явления и процессы находятся во взаимной связи, и поэтому их следует изучать и исследовать с учетом этих связей и отношений.

Диалектический метод включает в себя *принцип историзма*. Невозможно исследовать то или иное социальное явление, если не знать, как и почему оно возникло, какие этапы оно прошло и какие следствия вызвало. В исторической науке, например, без принципа историзма нельзя получить какие-нибудь научные результаты. Историк, который пытается с точки зрения современной ему эпохи

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 302.

анализировать те или иные исторические факты и события, не может быть назван объективным исследователем. Каждое явление и каждое событие следует рассматривать в контексте той эпохи, когда оно произошло. Скажем, абсурдно критиковать военную и политическую деятельность Наполеона Первого с точки зрения современности. Без соблюдения принципа историзма нет не только исторической науки, но и других общественных наук.

Другим важным средством социального познания является *исторический* и *логический* методы. Эти методы в философии существуют со времен Аристотеля. Но всесторонне они были разработаны Гегелем и Марксом. Логический метод исследования предполагает теоретическое воспроизведение исследуемого объекта. Вместе с тем этот метод «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»⁴.

Конечно, отсюда не следует полное тождество логического и исторического методов исследования. В философии истории, например, применяется логический метод поскольку философия истории теоретически, то есть логически воспроизводит исторический процесс. Скажем, в философии истории проблемы цивилизации рассматриваются независимо от конкретных цивилизаций в тех или иных странах, потому что философ истории исследует сущностные черты всех цивилизаций, общие причины их генезиса и гибели. В отличие от философии истории в исторической науке применяется исторический метод исследования, так как задачей историка является конкретное воспроизведение исторического прошлого, причем в хронологическом порядке. Нельзя, скажем, изучая историю России, начинать ее с современной эпохи. В исторической

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497.

науке цивилизация рассматривается конкретно, изучаются все ее конкретные формы и характеристики.

Важным методом является также метод *восхождения от абстрактного к конкретному*. Он применялся многими исследователями, но наиболее полное воплощение нашел в работах Гегеля и Маркса. В «Капитале» Маркс его блестяще использовал. Суть его сам же Маркс выразил следующим образом: «Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население – это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы наконец снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь – это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Экономисты XVII столетия, например, всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего – как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость – к государству, международному обмену и мировому рынку. Послед-

ний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовное конкретное»⁵. Маркс анализ буржуазного общества начинает с самого абстрактного понятия – с товара и завершает самым конкретным понятием – понятием класса.

В социальном познании используется также *герменевтический* метод. Крупнейший современный французский философ П. Рикёр герменевтику определяет как «теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово «герменевтика» означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации»⁶. Истоки герменевтики восходят к античной эпохе, когда возникла необходимость истолкования письменных текстов, хотя интерпретация касается не только письменных источников, но и устной речи. Поэтому основоположник философской герменевтики Ф. Шлейермахер был прав, когда писал, что главное в герменевтике – язык.

В социальном познании речь идет, разумеется, о письменных источниках, выраженных в той или иной языковой форме. Истолкование тех или иных текстов требует соблюдения, по крайней мере, следующих минимальных условий: 1. Необходимо знать язык, на котором написан текст. При этом всегда следует помнить, что перевод с этого языка на другой никогда не похож на оригинал. «Всякий перевод, всерьез относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала. Даже если он представляет собой мастерское подражание оригиналу, какие-то оттенки и полутона неизбежно в нем пропадают»⁷. 2. Нужно быть специалистом в той области, в которой работал автор того или иного сочинения. Абсурдно, например, неспециалисту в области античной философии заниматься интерпретацией произведений Платона. 3. Нужно знать эпоху появления того или иного интерпретируемого письменного источника. Необходимо представить себе, в связи с чем данный текст появился, что хотел сказать его автор, каких мировоззренческих позиций он придерживался. 4. Не истолковывать исторические источники с

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 726–727.

⁶ Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика, М., 1995. С. 3.

⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 449.

точки зрения современности, а рассматривать их в контексте изучаемой эпохи. 5. Всячески избегать оценочного подхода, стремиться к максимально объективной интерпретации текстов.

2. Историческое познание – разновидность социального знания

Являясь разновидностью социального знания, историческое познание вместе с тем имеет свою специфику, выражающуюся в том, что исследуемый объект принадлежит прошлому, в то время как его нужно «перевести» в систему современных понятий и языковых средств. Но тем не менее отсюда вовсе не следует, что нужно отказаться от изучения исторического прошлого. Современные средства познания позволяют реконструировать историческую действительность, создать ее теоретическую картину и дать возможность людям иметь о ней верное представление.

Как уже отмечалось, любое познание предполагает прежде всего признание объективного мира и отражение 1-го в человеческой голове. Однако отражение в историческом познании носит несколько иной характер, чем отражение настоящего, ибо настоящее наличествует, тогда как прошлое отсутствует. Правда, отсутствие прошлого не означает, что оно «сведено» к нулю. Прошлое ведь сохранилось в виде материальных и духовных ценностей, унаследованных последующими поколениями. Как писали Маркс и Энгельс, «история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»⁸. Вследствие этого создается единый исторический процесс, а унаследованные материальные и духовные ценности свидетельствуют о существовании тех или иных особенностей эпохи, об укладе жизни, взаимоотношениях людей и т. д. Так, благодаря памятникам архитектуры мы можем судить о достижениях древних греков в области градостроительства. Политические произведения Платона,

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 44–45.

Аристотеля и других корифеев античной философии дают нам представление о классовом и государственном устройстве Греции эпохи рабства. Таким образом, нельзя сомневаться в возможности познания исторического прошлого.

Но в настоящее время такого рода сомнения все чаще и чаще звучат из уст многих исследователей. Особенно выделяются в этом отношении постмодернисты. Они отрицают объективный характер исторического прошлого, представляют его как искусственную конструкцию с помощью языка. «...Постмодернистская парадигма, которая прежде всего захватила господствующие позиции в современном литературоведении, распространив свое влияние на все сферы гуманитарного знания, поставила под сомнение «священных коров» историографии: 1) само понятие об исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет (стерев казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой); 2) критерии достоверности источника (размыв границу между фактом и вымыслом) и, наконец, 3) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине...»⁹. Эти «священные коровы» являются ничем иным, как фундаментальными принципами исторической науки.

Постмодернисты понимают трудности социального, в том числе исторического, познания, связанные прежде всего с самим объектом познания, т. е. с обществом, являющимся продуктом взаимодействия людей, наделенных сознанием и действующих сознательно. В социально-историческом познании наиболее рельефно проявляются мировоззренческие позиции исследователя, изучающего деятельность людей, имеющих собственные интересы, цели и намерения. Волей-неволей обществоведы, особенно историки, приносят в исследование свои симпатии и антипатии, что в какой-то степени искажает реальную социальную картину. Но нельзя на этом основании все гуманитарные науки превратить в дискурс, в лингвистические схемы, не имеющие ничего общего с социальной реальностью. «Текст историка, – утверждают постмодернисты, – это повествовательный дискурс, нарратив, подчиняющийся тем же правилам риторики, которые обнаруживаются в художественной

⁹ Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории. Ж. Одиссей. 1996. С. 26.

литературе... Но если писатель или поэт свободно играет смыслами, прибегает к художественным коллажам, позволяет себе произвольно сближать и смещать разные эпохи и тексты, то историк работает с историческим источником, и его построения никак не могут полностью отвлечься от некоторой данности, не выдуманной им, но обязывающей его предложить по возможности точную и глубокую ее интерпретацию»¹⁰. Постмодернисты разрушают вышеперечисленные фундаментальные принципы исторической науки, без которых историческое познание невысказимо. Но надо быть оптимистами и надеяться, что наука об истории, как и раньше, будет занимать важное место в общественном сознании и помогать людям изучать собственную историю, делать из нее соответствующие выводы и обобщения.

С чего начинается историческое познание? Чем определяется его актуальность и какую пользу оно приносит? Начнем с ответа на второй вопрос и прежде всего обратимся к работе Ницше «О пользе и вреде истории для жизни». Немецкий философ пишет, что человек имеет историю, потому что у него есть память в отличие от животных. Он помнит то, что было вчера, позавчера, тогда как животное все тут же забывает. Способность забвения есть неисторическое чувство, а память – историческое. И хорошо, что человек забывает многое в своей жизни, иначе он просто не смог бы жить. Всякая деятельность нуждается в забвении, и «человек, который пожелал бы переживать все только исторически, был бы похож на того, кто вынужден воздерживаться от сна, или же на животное, осужденное жить только все новым и новым пережевыванием одной и той же жвачки»¹¹. Таким образом, можно совершенно спокойно жить без воспоминаний, но абсолютно невысказимо жить без возможности забвения.

По мысли Ницше, существуют определенные границы, за пределами которых прошлое необходимо забыть, иначе оно, как выражается мыслитель, может стать могильщиком настоящего. Он предлагает не все забывать, но и не все помнить: «...*Историческое и неисторическое одинаково необходимы для здоровья отдельного*

¹⁰ Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода. Ж. Одиссей. 1996. С. 7.

¹¹ Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 162.

человека, народа и культуры»¹². В известных пределах неисторическое более важно для народа, чем историческое, ибо оно есть своего рода фундамент для построения подлинно человеческого общества, хотя, с другой стороны, только благодаря использованию опыта прошлого человек становится человеком.

Ницше все время настаивает, чтобы всегда учитывались границы исторического и неисторического. Неисторическое отношение к жизни, пишет немецкий философ, позволяет совершать такие события, которые играют чрезвычайно важную роль в жизни человеческого общества. Историческими людьми он называет тех, кто стремится к будущему и надеется на лучшую жизнь. «Эти исторические люди верят, что смысл существования будет все более раскрываться в течение *процесса* существования, они оглядываются назад только затем, чтобы путем изучения предшествующих стадий процесса понять его настоящее и научиться энергичнее желать будущего; они не знают вовсе, насколько неисторически они мыслят и действуют, несмотря на весь свой историзм, и в какой степени их занятия историей являются служением не чистому познанию, но жизни»¹³.

Ницше вводит понятие над-исторических людей, для которых нет процесса, но нет и абсолютного забвения. Для них мир и каждое отдельное мгновение представляются законченными и остановившимися, они никогда не думают о том, в чем состоит смысл исторического поучения – то ли в счастье, то ли в добродетели, то ли в покаянии. С их точки зрения, прошлое и настоящее одно и то же, хотя имеется едва различимое разнообразие. Сам Ницше поддерживает исторических людей и считает, что историю надо изучать. И поскольку она непосредственно связана с жизнью, то не может быть, как, скажем, математика, чистой наукой. «История принадлежит живущему в тройном отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройствен-

¹² Там же. С. 164.

¹³ Там же. С. 166.

ность родов истории, поскольку можно различать *монументальный, антикварный и критический* род истории»¹⁴.

Суть *монументальной* истории Ницше выражает так: «Что великие моменты в борьбе единиц образуют одну цепь, что эти моменты, соединяясь в одно целое, знаменуют подъем человечества на вершины развития в ходе тысячелетий, что для меня подобного давно минувшего момента сохраняется во всей своей живости, яркости и величии, – в этом именно и находит свое выражение основная мысль той веры в человечество, которая вызывает требование *монументальной* истории»¹⁵. Ницше имеет в виду извлечение определенных уроков из прошлого. Тот, кто ведет постоянную борьбу за свои идеалы и принципы, нуждается в учителях, которых он находит не среди своих современников, а в истории, богатой великими историческими событиями и личностями. Такого человека немецкий философ называет деятельным человеком, борющимся если не за собственное счастье, то за счастье целого народа или же всего человечества. Такого человека ждет не награда, а, возможно, слава и место в истории, где для будущих поколений он тоже окажется учителем.

Ницше пишет, что идет борьба против монументального, ибо люди хотят жить в настоящем, а не бороться за будущее и принести себя в жертву во имя призрачного счастья в этом будущем. Но уем не менее снова появляются деятельные люди, которые ссылаются на великие подвиги прошлых поколений и призывают брать с них пример. Великие деятели умирают, но остается их слава, которую Ницше очень высоко ценит. Он считает, что современному человеку очень полезно монументальное воззрение, ибо «он научается понимать, что то великое, которое некогда существовало, было, во всяком случае, хоть раз *возможно*, и что поэтому оно может стать возможным когда-нибудь еще раз; он совершает свой путь с большим мужеством, ибо теперь сомнения в осуществимости его желаний, овладевающие им в минуты слабости, лишаются всякой почвы»¹⁶. Тем не менее Ницше выражает сомнение в том, что можно использовать монументальную историю, извлечь определенные

¹⁴ Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 168.

¹⁵ Там же. С. 169.

¹⁶ Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 170–171.

уроки из нее. Дело в том, что история не повторяется, и нельзя вернуть прошлые события и прокрутить их заново. И не случайно монументальное воззрение на историю вынуждено огрублять ее, тушевать различия и главное внимание обращать на общее.

Не отрицая в целом значения монументального взгляда на историю, Ницше вместе с тем предупреждает против его абсолютизации. Он пишет, что «монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий: мужественных она путем соблазнительных параллелей воодушевляет на подвиги отчаянной смелости, а одушевление превращает в фанатизм; когда такого рода история западает в головы способных эгоистов и мечтательных злодеев, то в результате подвергаются разрушению царства, убиваются власти, возникают войны и революции, и число исторических эффектов в себе, т. е. следствий без достаточных причин, снова увеличивается. До сих пор шла речь о бедах, которые может натворить монументальная история в среде могучих и деятельных натур, безразлично, будут ли эти последние добрыми или злыми; но можно себе представить, каким окажется ее влияние, если ею завладеют и постараются ее использовать бессильные и малодеятельные натуры»¹⁷.

Антикварная история. Она «принадлежит тому, кто охраняет и почитает прошлое, кто с верностью и любовью обращает свой взор туда, откуда он появился, где он стал тем, что он есть; этим благоговейным отношением он как бы погашает долг благодарности за самый факт своего существования»¹⁸. Антиквар предается сладостным воспоминаниям о прошлом, стремится сохранить все прошлое в нетронутом виде для будущих поколений. Он абсолютизирует прошлое и живет им, а не настоящим, он его так идеализирует, что ничего не хочет переделывать, ничего не хочет менять и сильно огорчается, когда все-таки такие изменения совершаются. Ницше подчеркивает, что если антикварную жизнь не одухотворяет современность, то она в конце концов вырождается. Она способна сохранить старое, но не породить новую жизнь, и поэтому всегда сопротивляется новому, не хочет его и ненавидит. В целом Ницше кри-

¹⁷ Там же. С. 172.

¹⁸ Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 174.

тически относится к такого рода истории, хотя не отрицает ее необходимость и даже пользу.

Критическая история. Суть ее: «Человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше; этой цели достигает он тем, что привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор; но всякое прошлое достойно того, чтобы быть осужденным – ибо таковы уже все человеческие дела: всегда в них мощно сказывались человеческая сила и человеческая слабость»¹⁹. Критика прошлого вовсе не значит, что побеждает справедливость. Просто жизнь требует критического отношения к истории, иначе она сама задохнется. Нужно строить новую жизнь, а не оглядываться постоянно назад, необходимо забыть то, что было, и исходить из того, что есть. А прошлое надо беспощадно критиковать тогда, когда видно, сколько в нем было несправедливостей, жестокости и лжи. Ницше предостерегает от такого отношения к прошлому. Беспощадная и несправедливая критика прошлого, подчеркивает немецкий философ, «очень опасная операция, опасная именно для самой жизни, а те люди или эпохи, которые служат жизни этим способом, т. е. привлекая прошлое на суд и разрушая его, суть опасные и сами подвергающиеся опасности люди и эпохи. Ибо так как мы непременно должны быть продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи»²⁰. И как бы мы ни пытались избавиться от ошибок прошлого, нам это не удастся, ибо мы сами вышли оттуда.

Общий вывод Ницше о трех родах истории: «...каждый человек и каждый народ нуждается, смотря по его целям, силам и потребностям, в известном знакомстве с прошлым, в форме то монументальной, то антикварной, то критической истории, но нуждается в этом не как сборище чистых мыслителей, ограничивающихся одним созерцанием жизни, и даже не как отдельные единицы, которые в жажде познания могут удовлетвориться только познанием и

¹⁹ Там же. С. 178.

²⁰ Ницше Ф. Соч. Т. 1. С. 178.

для которых расширение этого последнего является самоцелью, но всегда в виду жизни, а следовательно, всегда под властью и верховным руководством этой жизни»²¹.

Нельзя не согласиться с этим выводом немецкого мыслителя. Действительно, исследование исторического прошлого не носит произвольный характер, а обуславливается прежде всего потребностями общества. Люди всегда обращаются к прошлому для того, чтобы легче было изучить современность, сохранить в памяти все ценное и положительное и вместе с тем извлечь определенные уроки для будущего²². Конечно, отсюда не следует, что прошлое может полностью объяснить настоящее, ибо, несмотря на неразрывную связь между ними, настоящее существует, так сказать, живет, но в других обстоятельствах.

Историк не просто удовлетворяет свое любопытство. Он обязан показать, каким образом объект исследования (то или иное историческое событие или исторический факт) влияет на ход всей мировой истории, каково место этого события среди других.

Безусловно, он должен проявлять личную заинтересованность в разработке выбранной им темы, поскольку без этого ни о каких исследованиях не может идти речь. Но, повторяю, актуальность исторического познания диктуется прежде всего практическими потребностями настоящего. Чтобы лучше знать настоящее, необходимо изучить прошлое, о чем еще задолго до Ницше писал Кант: «Знание естественных вещей – какие они *есть теперь* – всегда заставляет желать еще и знания того, чем были прежде, а также через какой ряд изменений они прошли, чтобы в каждом данном месте достигнуть своего настоящего состояния»²³.

²¹ Там же. С. 179.

²² Честерфилд Филип Дормер Стенхон, английский писатель и государственный деятель XVIII века, в письме к сыну подчеркивает важность знания исторического прошлого. «Ты занят историей Рима; надеюсь, что ты уделяешь этому предмету достаточно внимания и сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно них нам надо сделать собственные выводы. История побуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния; она показывает нам, как во все времена чттили и уважали людей великих и добродетельных при жизни, а также какою славою их увенчало потомство, увековечив их имена и донеся память о них до наших дней»// Сенека. Честерфилд. Моруа. Если хочешь быть свободным. М., 1992. С. 114.

²³ Кант И. Соч. Т. 6. С. 462.

Анализ прошлого позволяет нам исследовать закономерности настоящего и наметить пути развития будущего. Без этого немислимо научное объяснение исторического процесса. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что логика самой исторической науки требует постоянного обращения к тем или иным историческим темам. Всякая наука носит творческий характер, т. е. развивается и обогащается новыми теоретическими положениями. То же самое касается исторической науки. На каждом этапе ее развития перед ней встают новые проблемы, которые она должна решить. Между практическими потребностями общества и логикой развития самой науки существует объективная связь, и больше в конечном итоге степень развития науки зависит от уровня развития общества, от его культуры и интеллектуальных возможностей.

Отвечая на первый вопрос, следует отметить, что историческое познание включает три этапа. *Первый* этап связан со сбором материала по интересующему исследователя вопросу. Чем больше источников, тем больше оснований надеяться на то, что получим какие-то новые знания об историческом прошлом. Источник можно охарактеризовать как *единство* объективного и субъективного. Под объективным подразумевается независимое от человека существование источника, и неважно, в состоянии мы его расшифровать или нет. Он содержит объективную (но вовсе не обязательно правдивую) информацию об исторических событиях или явлениях. Под субъективным же понимается то, что источник есть продукт, результат труда, в котором объединены чувства и эмоции своего создателя. По источнику можно определить стиль его автора, степень одаренности или уровень понимания описываемых событий. В качестве источника может выступать все, что относится к теме и содержит об исследуемом объекте какую-либо информацию (летописи, военные приказы, историческая, философская, художественная и т. п. литература, данные археологии, этнографии и т. д., кинохроника, видеозаписи и т. д.).

Второй этап исторического познания связан с отбором и классификацией источников. Чрезвычайно важно их правильно классифицировать, отбирать наиболее интересные и содержательные. Здесь, бесспорно, существенную роль играет сам ученый. Эрудированному исследователю легко определить, какие источники содер-

жат правдивую информацию. Некоторые источники, как выражается М. Блок, просто-напросто лживы. Их авторы сознательно вводят в заблуждение не только своих современников, но и будущие поколения. Поэтому многое зависит от квалификации, профессионализма и эрудиции историка – словом, от общего уровня его культуры. Именно он сортирует материал, отбирает наиболее ценные, с его точки зрения, источники.

На первый взгляд, отбор и классификация источников носят чисто произвольный характер. Но это заблуждение. Данная процедура осуществляется исследователем, но он живет в обществе, и, следовательно, его взгляды формируются под влиянием определенных социальных условий, и поэтому классификацию источников он осуществляет в зависимости от своих мировоззренческих и социальных позиций. Он может абсолютизировать значение одних источников и принижать другие.

На *третьем* этапе исторического познания исследователь подводит итоги и делает теоретические обобщения материала. Вначале он совершает реконструкцию прошлого, создает его теоретическую модель с помощью логического аппарата и соответствующих инструментов познания. В конечном итоге он получает какие-то новые знания об историческом прошлом, о том, как люди жили и действовали, как осваивали окружающий природный мир, как приумножали общественное богатство цивилизации.

3. Исторические факты и их исследование

Одной из центральных задач исторического познания является установление подлинности исторических фактов и событий, открытие новых, не известных до сих пор, фактов. Но что такое факт? Ответить на этот вопрос не так легко, как может показаться на первый взгляд. В обыденном языке мы часто оперируем термином «факт», но не задумываемся над его содержанием. Между тем в науке часто идут острые дискуссии относительно этого термина.

Можно сказать, что понятие факта употребляется, по крайней мере, в двух смыслах. В первом смысле оно применяется для обозначения самих исторических фактов, событий и явлений. В этом смысле Великая Отечественная война 1941–1945 годов, несо-

мненно, есть исторический факт, поскольку существует объективно, т. е. независимо от нас. Во втором смысле понятие факта употребляется для обозначения источников, отражающих исторические факты. Так, работа Фукидида «Пелопоннесская война» есть факт, отражающий эту войну, поскольку в ней излагаются военные действия Спарты и Афин.

Таким образом, следует строго различать факты объективной реальности и факты, отражающие эту реальность. Первые существуют объективно, вторые – продукт нашей деятельности, поскольку мы составляем различного рода статистические данные, сведения, пишем исторические и философские труды и т. д. Все это представляет собой познавательный образ, отражающий факты исторической действительности. Конечно, отражение носит приближенный характер, ибо исторические факты и события настолько сложны и многогранны, что невозможно дать их исчерпывающее описание.

В структуре исторических фактов можно выделить простые и сложные факты. К простым относятся те факты, которые в самих себе не содержат других фактов или подфактов. Например, факт смерти Наполеона 5 мая 1821 года есть простой факт, так как речь идет просто о констатации смерти бывшего французского императора. К сложным фактам относятся те, которые внутри себя содержат еще множество других фактов. Так, война 1941–1945 годов является таким сложным фактом.

Для чего нужно исследование исторических фактов? Зачем нам знать, что происходило в античном мире, почему убили Юлия Цезаря? Мы изучаем историю не ради чистого любопытства, а для того, чтобы выявить закономерности ее развития. Анализ исторических фактов и событий позволяет нам представить всю мировую историю как единый процесс и вскрыть движущие причины этого процесса. И когда мы открываем тот или иной исторический факт, то тем самым устанавливаем определенную закономерную связь в поступательном движении человечества. Вот Юлий Цезарь нам в своих «Записках» о Галльской войне рассказал о многих фактах, имеющих важное значение для изучения истории современной Европы. Ведь факт существует не изолированно, он связан с другими фактами, составляющими единую цепь социального развития. И

наша задача заключается в том, чтобы, исследуя тот или иной исторический факт, показать его место среди других фактов, его роль и функции.

Конечно, при этом не следует забывать, что исследование исторических фактов представляет определенные трудности, вытекающие из специфики самого объекта исследования. Во-первых, при изучении фактов и установлении их подлинности могут отсутствовать нужные нам источники, особенно если мы изучаем далекое историческое прошлое. Во-вторых, многие источники могут содержать неверную информацию о тех или иных исторических фактах. Вот почему требуется скрупулезный анализ соответствующих источников: отбор, сопоставление, сравнение и т. д. Кроме того, очень важно помнить, что исследуемая проблема связана не с одним фактом, а с их совокупностью, и поэтому необходимо брать во внимание многие другие факты – экономические, социальные, политические и др. Именно комплексный подход дает возможность создать верное представление о том или ином социальном явлении.

Но совокупность фактов тоже не есть нечто изолированное от других фактов и явлений. История – не просто «роман фактов» (Гельвеции), а объективный процесс, в котором факты взаимосвязаны и взаимообусловлены. При их изучении можно выделить три аспекта: *онтологический*, *гносеологический* и *аксиологический*.

Онтологический аспект предполагает признание исторического факта как элемента объективной действительности, связанного с другими ее элементами. Факт истории, как уже отмечалось, не изолирован от других фактов, и если мы хотим изучить бытие исторического процесса, то должны связать все факты друг с другом и раскрыть их имманентную логику. А этого можно добиться лишь при условии, что бытие фактов рассматривается в их единстве с другими фактами, выявляется его место в историческом процессе и его влияние на дальнейший ход общества.

Факт – это то или иное конкретное событие, требующее своего объяснения и осмысления в связи с широким социальным контекстом эпохи. Кто, например, изучает период правления Цезаря, тот неизбежно заинтересуется причинами его прихода к власти и в этой связи обратит внимание на такой факт, как переход Цезаря через Рубикон. Вот как описывает это событие Плутарх: «Когда он

(Цезарь. – *И. Г.*) приблизился к речке под названием Рубикон, которая отделяет предальпийскую Галлию от собственно Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающей минуте, и он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимал то одно, то другое решение. Затем он поделился своими сомнениями с присутствующими друзьями, среди которых был и Азиний Поллион; он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и как оценит этот шаг потомство. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий!» – и двинулся к переходу»²⁴.

Если брать этот исторический факт изолированно от других фактов (социального, экономического и политического положения Рима), то мы не сможем раскрыть его содержание. Ведь Рубикон переходили до Цезаря многие люди, в том числе римские государственные деятели, но цезаревский переход означал начало гражданской войны в Италии, что привело к крушению республиканского строя и установлению принципата. Цезарь стал единоличным правителем Римского государства. Кстати, многие историки очень высоко ценили Цезаря как государственного деятеля, способствовавшего дальнейшему развитию Рима. Так, крупнейший немецкий историк прошлого века Т. Моммзен писал, что «Цезарь был прирожденный государственный деятель. Он начал свою деятельность в партии, которая боролась против существующего правительствa, и потому долго как бы подкрадывался к своей цели, затем играл видную роль в Риме, потом выступил на военном поприще и занял место в ряду величайших полководцев – не только потому, что одерживал блестящие победы, но и потому, что он одним из первых умел достигать успеха не огромным перевесом сил, а необычайно напряженной деятельностью, когда это было необходимо, искусным сосредоточением всех своих сил и невиданною быстротой движений»²⁵.

²⁴ Плутарх. Соч. М., 1983. С. 139–140.

²⁵ Моммзен Т. История Рима. Санкт-Петербург, 1993. С. 237–238.

Гносеологический аспект рассмотрения фактов подразумевает их анализ с точки зрения познавательной функции. Если онтологический аспект непосредственно не учитывает субъективные моменты в историческом процессе (хотя, конечно, совершенно ясно, что исторический процесс не существует без деятельности людей), то гносеологический анализ факта имеет в виду эти моменты. При реконструкции исторического прошлого нельзя абстрагироваться от действий субъектов истории, от их общего культурного уровня и способности творить собственную историю. Насыщенность факта определяется деятельностью людей, их способностью быстро изменять ход исторического процесса, совершать революционные действия и ускорять общественное развитие.

Исследование фактов в гносеологическом аспекте помогает глубже понимать то или иное историческое событие, определить место субъективного фактора в обществе, выяснить психологический настрой людей, их переживания, эмоциональное состояние. Этот аспект предполагает также учет всевозможных ситуаций для полного воспроизведения прошлого и требует, таким образом, дифференцированного подхода. Например, при изучении битвы при Ватерлоо нужно учитывать различные ситуации, связанные с ней, в том числе моральный дух войск, состояние здоровья Наполеона²⁶ и т. д. Это нам поможет глубже узнать причины поражения французских войск.

Аксиологический аспект, как явствует из формулировки этого термина, связан с оценкой исторических фактов и событий.

Из всех аспектов этот, пожалуй, самый трудный и самый сложный, ибо надо объективно, независимо от собственных симпатий и антипатий оценивать исторические факты. Вебер, например, размышляя над этими проблемами, предлагал строго научно, без политических пристрастий оценивать любые социально-политические и иные явления. Он исходил из того, что «установление фактов, установление математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния, с одной стороны, а с

²⁶ Как пишут Вейдер Б. и Хэпгуд Д., длительное время Наполеона отравляли мышьяком. Последствия этого особенно сильно сказались во время битвы при Ватерлоо. «Но тут начинается череда ошибок. Изнуренный, с симптомами отравления мышьяком, Наполеон засыпает на час в ожидании, пока не подсохнет грязь и не подойдет Груши»// Вендор Б. Блистательный Наполеон. Вейдер Б., Хэпгуд Д. Кто убил Наполеона? М., 1992. С. 127.

другой – ответ на вопросы о ценности культуры и ее отдельных образований и соответственно ответ на вопрос о том, как следует действовать в рамках культурной общности и политических союзов – две совершенно разные вещи»²⁷. Поэтому ученый должен строго научно и без всяких оценок излагать факты и только факты. А «там, где человек науки приходит со своими собственными ценностными суждениями, уже нет места полному пониманию фактов»²⁸.

Нельзя не согласиться с Вебером в том, что конъюнктурный ученый, исходя из конъюнктурных соображений, всякий раз приспособливающийся к политической ситуации, по-своему интерпретирует исторические факты и события. Совершенно ясно, что его толкование фактов и вообще исторического процесса лишено всякой объективности и никакого отношения не имеет к научным изысканиям. Если, например, вчера давалась одна оценка тех или иных исторических событий, а сегодня другая, то такой подход ничего общего не имеет с наукой, которая должна говорить правду и ничего, кроме правды.

Но вместе с тем нельзя не отметить, что всякий исследователь имеет определенные мировоззренческие позиции. Он живет в обществе, окружен различными социальными слоями, классами, получает соответствующее образование, в котором ценностный подход играет важнейшую роль, ибо любое государство прекрасно понимает, что подрастающее поколение нужно воспитывать в определенном духе, что оно должно ценить богатства, созданные его предшественниками. Кроме того, в обществе, в силу его классовой дифференцированности, а также того, что источником его развития являются внутренние противоречия, имеют место разные подходы к тем или иным историческим событиям. И хотя исследователь должен быть объективным и беспристрастным, тем не менее он еще человек и гражданин, и ему вовсе не безразлично, что происходит в обществе, в котором он живет. Одним он сочувствует, других презирает, третьих старается не замечать. Так устроен человек, и ничего с этим не поделаешь. У него есть эмоции, чувства, которые не могут не сказываться и на научной деятельности. Короче говоря,

²⁷ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 722.

²⁸ Там же. С. 723.

он не может не быть ангажированным, т. е. не может не оценивать субъективно (не путать с субъективизмом) те или иные исторические факты и события.

Основной задачей науки является получение таких результатов, которые должны адекватно отражать сущность исследуемого объекта. Иначе говоря, они должны быть истинными. Кропотливый труд ученого-историка посвящен также установлению истинности исторических фактов и событий. На базе его работ у людей формируется реальное представление о своем прошлом, что помогает им в практической деятельности, в освоении ценностей, унаследованных от прошлых поколений.

Получение истинных знаний – процесс чрезвычайно трудный, но еще сложнее это делать в исторической науке. Нелегко, например, приходится тем, кто исследует античный мир. С одной стороны, не всегда хватает соответствующих источников, да и расшифровка многих из них порою сталкивается с непреодолимыми препятствиями, хотя современный исследователь имеет в своем распоряжении более мощные средства познания, чем его коллеги прошлых времен. Нелегко и специалисту современной, новейшей, истории, так как изучаемые факты еще не ушли, так сказать, в «чистую» историю и оказывают влияние на ход текущих процессов. В этих условиях ему приходится приспособливаться и часто во имя конъюнктуры поступаться истиной. Тем не менее надо заниматься поисками истин, ибо в науке требуется не меньше смелости и храбрости, чем на поле боя.

Неудивительно поэтому, что ученый может заблуждаться, хотя, как писал Гегель, заблуждение свойственно любому человеку. А заблуждение противоположно истине. Однако это такая противоположность, которая полностью не отрицает ту или иную сторону истины. Иначе говоря, противоречие между заблуждением и истиной носит диалектический, а не формальный характер. И поэтому заблуждение не есть нечто такое, что с ходу нужно отбросить. Ведь оно связано с нахождением истины, с получением подлинных знаний.

Заблуждение – ступень на пути нахождения истины. Оно может в определенных условиях стимулировать научную деятельность, побуждать к новым поискам. Но оно может и тормозить научные

исследования и в конце концов вынудить ученого бросить науку. Нельзя путать заблуждение с ошибочным теоретическим положением, хотя они близки по содержанию. Заблуждение есть нечто, имеющее рациональное зерно. Более того, заблуждение совершенно неожиданно может привести к новым научным открытиям. Само собой разумеется, что заблуждение базируется на определенных научных принципах и средствах познания истины. И, как отмечал Гегель, из «заблуждения рождается истина, и в этом заключается примирение с заблуждением и с конечностью. Инобытие, или заблуждение как снятое, само есть необходимый момент истины., которая существует лишь тогда, когда она делает себя своим собственным результатом»²⁹.

В классических философских традициях истина определяется как адекватное отражение объективной действительности. Думаю, что нет никаких оснований отказываться от такой характеристики истины. Нет никаких оснований отказываться и от понятия объективной истины, включающей в себя два момента – абсолютную и относительную истины. Наличие этих двух форм истины связано со спецификой процесса познания мира. Познание бесконечно, и в ходе наших исследований мы получаем знания, которые более или менее адекватно отражают историческую действительность. Такого рода истины принято называть абсолютными. Так, никто не сомневается, что Александр Македонский был основателем Греческой империи. Это, так сказать, абсолютная истина, которую следует отличать от «банальной», содержащей в себе лишь какую-то информацию, не подлежащую никакому пересмотру ни в настоящем, ни в будущем. Скажем, человек без пищи не может жить. Это банальная истина, она абсолютна, но в ней нет моментов относительности. Абсолютная же истина содержит такие моменты. Относительные истины неполно отражают объективную действительность.

Обе формы истины находятся в неразрывном единстве. Только в одном случае превалирует абсолютная истина, а в другом – относительная. Возьмем тот же пример: Александр Македонский был основателем Греческой империи. Это абсолютная истина, но вместе с тем она и относительна в том смысле, что констатация того, что Александр основал империю, не раскрывает тех сложных про-

²⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М, 1974. С. 399.

цессов, которые происходили при формировании этой огромной империи. Анализ этих процессов показывает, что многие из них нуждаются в дальнейших исследованиях и более фундаментальном рассмотрении. Рассуждения о диалектике абсолютной и относительной истины полностью относятся и к историческому познанию. При установлении истинности исторических фактов мы получаем какие-то элементы абсолютной истины, но процесс познания на этом не заканчивается, и в ходе дальнейших наших поисков к этим истинам добавляются новые знания.

Истинность научных знаний и теорий должна быть подтверждена какими-то показателями, иначе они не будут признаны в качестве научных результатов. Но найти критерий истины – дело трудное и весьма сложное. Поиски такого критерия приводили к различным концепциям в науке и философии. Одни объявляли критерием истины взаимное согласие ученых (конвенционализм), т. е. считать критерием истины то, с чем все согласны, другие объявили критерием истины полезность, третьи – деятельность самого исследователя и т. д.

Маркс в качестве основного критерия выдвинул практику. Уже в «Тезисах о Фейербахе» он писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто схоластический вопрос»³⁰. Именно практическая деятельность доказывает истинность или ложность наших знаний.

Понятие практики нельзя ограничивать лишь материальным производством, материальной деятельностью, хотя это главное, но следует включать в него и другие виды деятельности – политическую, государственную, духовную и т. д. Так, например, относительное тождество содержания источников об одном и том же объекте есть по существу практическая проверка истинности полученных результатов.

Практика есть не только *критерий* истины, но и *основа* познания. Только в процессе практической деятельности по преобразова-

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1–2.

нию мира, по созданию материальных и духовных ценностей человек познает окружающую его природную и социальную действительность. Кажется, Гегель говорил, что тот, кто хочет научиться плавать, должен прыгнуть в воду. Никакие теоретические наставления не сделают юношу футболистом, пока он не будет играть в футбол, а критерием его умения играть выступает практика. Гегель же писал, что «позиция непредубежденного человека проста и состоит в том, что он с доверием и убежденностью придерживается публично признанной истины и строит на этой прочной основе свой образ действий и надежное положение в жизни»³¹.

Что касается исторического познания, то в данном случае практика служит критерием истины, хотя встречаются определенные трудности, связанные с предметом исследования. Но здесь надо указать на одну особенность критерия истинности в историческом познании: дело в том, что отбор источников, их сравнение и сопоставление, их классификация и скрупулезный анализ – короче говоря, научное исследование, использующее все методы и средства познания мира, следует рассматривать как практическую деятельность, подтверждающую наши теоретические выводы. Далее, нужно исходить из того, что различные источники, документы, данные археологии, произведения литературы и искусства, труды по философии и истории более или менее полно отражают ту историческую действительность, которую мы изучаем. Как бы скептически мы ни относились к историческим работам Фукидида, его «История Пелопоннесской войны» представляет собой неплохой источник для изучения этой войны. Можно ли пренебречь «Политикой» Аристотеля при изучении государственного устройства Древней Греции?

Не следует забывать и то, что исторический процесс един и непрерывен, в нем все взаимосвязано. Настоящего нет без прошлого, так же как нет будущего без настоящего. Настоящая история неразрывно связана с прошлой, которая оказывает на нее влияние. Например, последствия завоеваний, осуществленных Римской империей, не исчезли бесследно. Они до сих пор неразрывно присутствуют в жизни многих стран, оказавшихся в свое время в пределах Римской империи. Исследователь истории Рима легко может под-

³¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 46.

твердить свои теоретические выводы сегодняшней практикой. Так, нетрудно доказать, что высокий уровень цивилизации в западных странах во многом объясняется тем, что Западная Европа унаследовала достижения греко-римской цивилизации, выдвинувшей устами Протагора знаменитый афоризм: «Человек есть мера всех вещей». А без этого афоризма не появилась бы теория естественного права, согласно которой все люди имеют одинаковые права на обладание вещами. Без римского права не было бы в западных странах универсального права, которому обязаны подчиняться все граждане государства. Без сильных китайских традиций не был бы совершен плавный, эволюционный переход к рыночным отношениям в Китае.

Практику как критерий истины нужно рассматривать диалектически. С одной стороны, этот критерий абсолютен, а с другой – относителен. Критерий практики абсолютен в том смысле, что нет просто другого критерия, имеющего объективный характер. Ведь конвенционализм, полезность и т. д. имеют явно субъективный характер. Одни могут соглашаться, а другие нет. Одни могут считать истину полезной, а другие нет. Критерий должен быть объективным, ни от кого не зависеть. Этим требованиям как раз отвечает практика. С другой стороны, сама практика, охватывающая деятельность людей по созданию материальных и духовных ценностей, меняется. Поэтому ее критерий относителен, и если мы не хотим превратить в догмы теоретические знания, то должны их менять в зависимости от изменившихся обстоятельств, а не цепляться за них.